

Л. Северов (Л. П. Радин)

Объективизм в искусстве и критике

Русская прогрессивная художественная критика второй половины XIX -- начала XX века.

М., "Художественная литература", 1977

OCR Бычков М. Н.

[...] Что такое реальное, или, вернее сказать, объективное искусство? Является ли оно только фотографически верным изображением действительности? Отнюдь нет. Художник творит, а не копирует механически природу и жизнь. Но, быть может, сама фотография поможет нам выяснить, чем отличается она от художественной живописи. Кому из нас не приходилось слышать или говорить, что чей-либо портрет похож или непохож на оригинал? В чем же тут дело? Ведь фотографическая пластинка не врет, точно передавая все детали оригинала. Нельзя также объяснить это различие недостатками фотографической техники. Иной раз портрет, снятый дешевеньким аппаратом фотографа-любителя, выходит удачнее снимка лучшей столичной фотографии. Очевидно, здесь дело не в технике, а в самом оригинале. Известный трюизм гласит: *"Лицо есть зеркало души"*. Иными словами, в чертах лица каждого человека отпечатываются до известной степени основные свойства его характера. Но физиономия человека изменчива: по ней пробегают все мимолетные впечатления, подобно теням облаков, скользящих над землею. Кто не знает, например, как меняется одно и то же лицо при разных настроениях? Посмотрите на плачущего ребенка, когда ему покажут внезапно какую-нибудь блестящую погремушку. На щеках еще не обсохли слезы, а уже вся его маленькая рожица расплывается в довольную улыбку, глаза блестят, и ручонки тянутся к красивой игрушке. Разве это не та же улыбка природы, когда яркий луч солнца разорвет мутную пелену тумана и задрожит, заискрится в тысяче алмазных капель на мокрой листве деревьев? Узнаете ли вы в этой веселой улыбке обычную кислую гримасу осеннего дня? Что же мудреного, если фотографии редко удастся схватить то выражение лица, которое является наиболее типичным для данного субъекта. Да и попробуйте сохранить это типичное выражение, когда вам придадут часто самую неестественную позу, затыкнут голову в какую-то нелепую подпорку, велют глядеть в одну точку, да еще, пожалуй, предложат улыбнуться, когда вы чувствуете сильнейшую потребность выругаться. Понятно, что вы выходите похожим на кого угодно, только не на самого себя, каким все привыкли видеть вас окружающие. И когда говорят, что ваш портрет не похож, этим хотят собственно выразить, что фотография не уловила того типичного выражения лица, которое наиболее отвечает внутреннему складу вашего характера.

С этой точки зрения не трудно понять, почему портрет, нарисованный художником, часто больше похож на оригинал, чем самая лучшая, самая точная фотография. Всматриваясь в данное лицо, художник сразу схватывает его характерные особенности. Не стесненный в своем рисунке рабским подражанием оригиналу, он может ярче оттенить те черты, которые показались ему особенно типичными. И в результате получается уже не портрет, а художественное произведение. Глядя на него, вам так и хочется воскликнуть: "Как хорошо! Как живо!" [...]

[...] Вот почему мы требуем правды, одной только правды и в жизни, и в науке, и в искусстве, которое может служить общечеловеческим интересам, только оставаясь верным отражением действительности.

Наметив в общих чертах свой взгляд на искусство, мне не трудно будет указать, в чем заключаются, по моему мнению, основные задачи объективной критики. Если художественная правда является душою истинного искусства, критик должен, очевидно, прежде всего убедиться, насколько данное литературное произведение удовлетворяет этому основному требованию. Истинно-художественные образы всегда типичны, так что критику не трудно подметить и указать те выдающиеся черты характера, которые определяют, так сказать, собою идейный облик героя. Ясно, что это лишает критику того произвольного характера, который она носила в статьях наших субъективных мыслителей. Вы не можете разбранить художественное произведение, если автор верно схватил главные, существенные черты явления и воплотил их в ярком и пластическом образе, хотя бы взгляды самого художника и были вам не симпатичны. С другой стороны, вас не подкупит личное чувство автора, заставившее его исказить то или другое жизненное явление, хотя бы вы вполне ему сочувствовали. [...]

Белинский говорит где-то, что задача историка сказать, что было; задача поэта показать, как было. К этому можно бы добавить, что задача критика объяснить, почему так было и не могло быть иначе. Художник часто изображает жизненное явление в его готовой законченной форме. Он не объясняет нам причин, в силу которых создалось это явление, не указывает живой связи с другими